

© 2010 г. Т.А. МАЙСАК

К ПУБЛИКАЦИИ КАВКАЗСКО-АЛБАНСКИХ ПАЛИМПСЕСТОВ ИЗ СИНАЙСКОГО МОНАСТЫРЯ*

В статье рассмотрена недавняя публикация двух кавказско-албанских рукописей, обнаруженных в коллекции средневековых палимпсестов монастыря Св. Екатерины на Синае и расшифрованных и изданных международной группой специалистов [Gippert et al. 2009]; издание сопровождается обширным справочным аппаратом. Рукописи содержат текст Евангелия от Иоанна и лекционария (сборника литургических чтений) и являются первым памятником кавказско-албанского, или агванского, языка, дающим достаточно полное представление о его грамматической структуре. Новые данные полностью подтверждают гипотезу о том, что кавказско-албанский язык является историческим предком удинского языка. После краткого очерка истории изучения кавказско-албанского алфавита проводится критический обзор издания, особое внимание уделено грамматическому очерку языка палимпсестов, а также положению кавказско-албанского языка среди языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи.

В середине 2009 г. в мире кавказоведения произошло значимое и давно ожидавшееся событие – вышло в свет издание двух кавказско-албанских рукописей, найденных в монастыре Святой Екатерины на Синае более десяти лет назад. В книге впервые опубликован достаточно представительный объем текстов на кавказско-албанском, или агванском, языке – Евангелие от Иоанна и лекционарий, сборник литургических чтений (в общей сложности около 120 страниц текста). Помимо английского перевода, оригинал сопровождается параллельными переводами соответствующих библейских фрагментов на несколько древних и современных языков; в книге также описывается алфавит и грамматическая структура кавказско-албанского языка, приводится обширный справочный аппарат.

Редакторами издания [Gippert et al. 2009] стали четыре крупных специалиста по кавказским языкам и истории Закавказья – это немецкие лингвисты Йост Гипперт (Франкфуртский университет) и Вольфганг Шульце (Мюнхенский университет), грузинский историк, член-корреспондент Грузинской академии наук Заза Алексидзе и французский филолог и историк христианства, член Академии надписей и изящной словесности Жан-Пьер Маэ. Книга вышла в бельгийском издательстве «Брепольс» (г. Тюрнхаут), которое специализируется на издании христианских письменных памятников, и стала вторым выпуском серии «*Monumenta palaeographica Medii Aevi, Series Ibero-Caucasica*»¹.

Значение данного издания трудно переоценить – в нем в научный оборот впервые вводится полноценный текстовый, грамматический, лексический и палеографический материал по языку, который, по всей видимости, был доминирующим в Кавказской Албании во времена ее расцвета (примерно с IV по VII в.) и выступал также в роли литургического языка. До сих пор интерпретация значительной части букв кавказско-

* Мы благодарим Й. Гипперта и В. Шульце за содействие в получении издания, а также А.С. Касьяна, Ю.Б. Корякова, В.С. Мальцеву и С.Р. Мерданову за обсуждение текста данной статьи.

¹ Первый выпуск серии был посвящен изданию древнегрузинского Венского кодекса – *Codex Vindobonensis Georgicus 2*, см. [Gippert et al. 2007].

албанского алфавита была проблематичной, а данные о грамматической структуре этого языка практически отсутствовали. И хотя гипотеза о том, что кавказско-албанский представлял собой древнее состояние удинского языка, в целом была общепринятой среди специалистов, в печати регулярно появлялись любительские исследования, предлагавшие альтернативные версии атрибуции языка кавказских албанцев (как правило, он сопоставлялся с другими языками нахско-дагестанской семьи).

Не претендуя на полный охват всей проблематики, связанной с недавним открытием, ниже мы уделим основное внимание общему обзору новонайденных рукописей, а также характеристике языка палимпсестов. Однако вначале кратко напомним основные этапы изучения кавказско-албанского (агванского) алфавита и историю находки в Синайском монастыре.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОГО АЛФАВИТА И ОТКРЫТИЕ ПАЛИМПСЕСТОВ

История научного изучения кавказско-албанского алфавита, созданного более полутора тысяч лет назад, насчитывает менее века. Этот алфавит появился около 422 г., когда христианство уже стало официальной религией Кавказской Албании (албанский царь Урнаир принял крещение в конце III или начале IV в.). Армянский историк и писатель Корюн так описывает создание алфавита Месропом Маштоцем: после встречи с албанским священником по имени Бениамин Маштоц «расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена (для алуанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил» [Корюн 1962: 105–106]. Прибыв в Алуанк, т. е. Кавказскую Албанию, Маштоц встречается с царем и епископом этой страны, «и они – оба равные – епископ и царь согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего детей для обучения письменности... И когда это приказание на деле было претворено в жизнь и завершено, блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, праздничнобродящие и суровые люди страны Алуанк вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях» [Корюн 1962: 107]. Таким образом, можно предполагать, что вскоре после создания алфавита Священное Писание было полностью переведено на кавказско-албанский язык.

Со временем в Церкви Кавказской Албании, изначально автономной, однако всегда близкой Армянской Апостольской Церкви, армянский компонент стал преобладающим. Когда в начале VIII в. Закавказье оказалось под властью арабского халифата, чьим покровительством пользовалась Армянская Церковь, Церковь Кавказской Албании окончательно утратила независимость, а ее католикосы стали рукополагаться армянским престолом. Богослужение в албанских церквях полностью перешло на армянский язык, использование неармянских богослужебных книг пресекалось. Книги на кавказско-албанском языке перестали переписываться, а сама письменность была забыта; созданные в V–VII вв. рукописи были уничтожены либо расшиты, текст с их страниц был смыт, чтобы писать на них заново уже на других языках.

Хотя на протяжении XIX в. и в начале XX в. появлялись разной степени достоверности сообщения о кавказско-албанских надписях, настоящее открытие древнего алфавита произошло лишь в 1937 г., когда грузинский ученый Илья Абуладзе обнаружил в матенадаранской рукописи № 7117 (XV в.) список кавказско-албанского алфавита, состоящего из 52 букв, с подписями их названий по-армянски. В следующем году вместе с публикацией сообщения о находке [Абуладзе 1938] появился и лингвистический анализ Акакия Шанидзе, который сопоставил фонетическую систему, предположительно представленную в алфавите, с удинской. В своей статье А.Г. Шанидзе писал о том, что «раскопки должны дать нам убедительный эпиграфический материал, подтверждающий сведения армянских источников о существовании албанской письменности» [Шанидзе 1938: 5]. И действительно, уже в 1948 г. во время земляных работ в ходе строительства

Мингечаурской ГЭС в Азербайджане были раскопаны остатки средневекового христианского храма с фрагментами надписей на том же алфавите, что и в матенадаранской рукописи. Всего при раскопках, продолжавшихся до 1952 г., было найдено семь эпиграфических памятников (надпись на постаменте алтарного креста, граффити на подсвечниках и др., в общей сложности около 200 знаков) – впрочем, плохая сохранность надписей и их краткость не давали возможность достоверной расшифровки.

В 1956 г. американский исследователь А. Курдян открыл второй список кавказско-албанского алфавита в армянской рукописи XVI в., который был весьма близок ранее описанному варианту [Kurdian 1956]. Позднее, в 1970 г., близ с. Верхнее Лабкомахи в Левашинском районе Дагестана была найдена каменная табличка, на которой воспроизводился алфавит из матенадаранской рукописи; эта находка, впрочем, большинством специалистов была квалифицирована как очевидная подделка. В 1960–1980-х гг. публикуется целый ряд работ с анализом существующих данных о кавказско-албанской письменности (см. [Абрамян 1964; Гукасян 1968; 1969; 1971; Климов 1967; 1970; 1972; 1976; Муравьев 1981] и др.)². В целом же, по словам И.В. Кузнецова, «начиная с 1970-х гг. в изучении агванской письменности наметился кризис. С этого времени практически перестали поступать и известия о новых находках» [Кузнецов 1999: 120]. Однако вскоре сбылось и другое провидение А.Г. Шанидзе, который в 1938 г. писал: «Я убежден, что не все письменные памятники албанского языка погибли. Очень возможно, что в палимпсестах где-нибудь всплывут фрагменты албанских рукописей» [Шанидзе 1938: 62]. Две такие рукописи действительно «всплыли» в 1990-е гг., причем обнаружен был не армянско-албанский (как можно было бы ожидать), а грузинско-албанский палимпсест.

Эта важнейшая находка была сделана грузинским ученым Зазой Алексидзе в монастыре Святой Екатерины на Синайском полуострове. В библиотеке этого монастыря, созданной в 1734 г., находится одно из крупнейших в мире собраний письменных памятников раннего восточного христианства. Старое собрание насчитывает более 3300 рукописей на греческом, арабском, сирийском, грузинском, эфиопском, славянских и др. языках, в числе которых – древнейшая датированная грузинская рукопись «Мравалтави» (Синайский многоглав) 864 года. В 1975 г., во время ремонта пострадавших от пожара 1971 года строений северной стены, под алтарем церкви Св. Георгия была найдена замурованная келья, в которой обнаружилось еще более 1100 манускриптов. Они составили новое собрание библиотеки, в котором было выявлено 142 древних грузинских кодекса, главным образом написанных на пергаменте; девять из них представляют собой палимпсесты.

В 1990 г. ученые Института рукописей Грузинской академии наук под руководством Зазы Алексидзе приступили к каталогизации и микрофильмированию новых рукописей. Всего состоялось четыре поездки (в 1990, 1994, 1996 и 2000 гг.). Во время одной из них Алексидзе обратил внимание на стертый текст, который проступал на двух палимпсестах, получивших в каталоге обозначения Sin.Geo N 13 и Sin.Geo N 55³. Первоначально алфавит нижнего слоя рукописи был принят за эфиопский, однако в 1996 г. он был сопоставлен с кавказско-албанским алфавитом, сходство с которым оказалось более явным (см. предварительные публикации [Алексидзе 1997; 1999; Alek'sidze 1998] и др.).

В 2000 г. Заза Алексидзе начал расшифровку кавказско-албанского текста. Поскольку около 80% грузинских рукописей нового синайского собрания имели литургический характер, возникло предположение о том, что и албанский манускрипт мог представлять собой лекционарий – сборник годовых литургических чтений. Ключом к расшифровке стали строки, написанные более мелкими буквами по сравнению с остальным текстом, – как и в аналогичных грузинских и армянских лекционариях, они оказались заголовками библейских фрагментов. Вскоре удалось транскрибировать несколько десятков таких

² Подробнее об истории и современном состоянии изучения кавказско-албанского алфавита из работ последних лет на русском языке см. [Лолуа 2008].

³ Грузинские рукописи Синайского монастыря (Sin.Geo), новое собрание (N).

заголовков, идентифицировать имена апостолов и евангелистов, выявить числовые обозначения апостольских посланий и наиболее употребительные сокращения священных имен. Затем, ориентируясь на библейские топонимы и антропонимы и сопоставляя их предполагаемое прочтение с соответствующими армянскими, грузинскими и удинскими словами, Алексидзе смог уточнить значения букв кавказско-албанского алфавита и расшифровал значительную часть рукописи.

В дальнейшем к работе над интерпретацией палимпсестов подключились Йост Гипперт, Вольфганг Шульце и Жан-Пьер Маэ. В декабре 2000 г. в рамках проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена, в монастыре сделали ультрафиолетовые фотографии рукописей⁴. Со временем Йост Гипперт и Вольфганг Шульце завершили расшифровку текста, начатую Алексидзе. Кроме того, В. Шульце составил словарь морфем кавказско-албанского языка и опубликовал лингвистический анализ отрывка из 2-го послания Коринфянам [Schulze 2001/2003]. В 2004 г. при помощи специального оборудования были сделаны мультиспектральные фотоснимки всех листов манускрипта и началась работа над изданием, ср. предварительный обзор [Gippert, Schulze 2007].

Двухтомное издание формата А3, вышедшее в середине 2009 г., состоит из введения и семи разделов. В первый том входит введение – очерк истории Кавказской Албании, и разделы I – общая характеристика двух найденных палимпсестов, II – очерк кавказско-албанского языка, III – *editio minor* и IV, включающий разнообразные указатели. Во второй том вошло *editio maior* в трех частях: V – рукопись Евангелия от Иоанна, VI – первая часть лекционария (чтения из других Евангелий) и VII – вторая часть лекционария (чтения из Деяний, апостольских посланий и Ветхого Завета)⁵. Введение написано З. Алексидзе и Ж.-П. Маэ, все прочие разделы книги написаны совместно Й. Гиппертом и В. Шульце.

Корпус публикуемых кавказско-албанских текстов состоит из Евангелия от Иоанна и следующих чтений лекционария: фрагменты Евангелий от Матфея, Марка и Луки, фрагменты Деяний Апостолов, фрагменты соборных посланий (Иакова, 2-е Петра и 1-е Иоанна), фрагменты посланий апостола Павла (к Римлянам, 1-е и 2-е к Коринфянам, к Галатам, к Ефессянам, 1-е и 2-е к Фессалоникийцам, к Евреям, 1-е и 2-е к Тимофею и к Титу) и ветхозаветные фрагменты из 35-й главы Книги пророка Исаии и из нескольких псалмов. *Editio minor* представляет собой латинскую транслитерацию кавказско-албанского текста, сопровождаемую английским переводом; специальными знаками помечены нечитаемые или отсутствующие фрагменты. В публикации текста имеются и целиком восстановленные (т.е., по сути, переведенные авторами на кавказско-албанский) фрагменты, они напечатаны серым цветом.

Представленное во втором томе *editio maior* включает черно-белые фотографии страниц рукописей, запись текста в оригинальном алфавите при помощи специально разработанного шрифта (см. рис. 1–2) и латинскую транслитерацию. Помимо системы специальных обозначений (несколько видов скобок) для различения степени читаемости текста используются цветовые оттенки шрифта (черный, темно-серый, светло-серый). Рядом с кавказско-албанским текстом приведен синопсис нескольких переводов соответствующих фрагментов. Для Евангелий это английский перевод по Библии короля Якова, армянский перевод по Эчмиадзинскому Евангелию (с вариантами по Библии Зограба), грузинский перевод по Адишскому Евангелию и Протовульгате, греческий текст по изданию Нестле–Аланда (*Novum Testamentum Graece*), огласованный сирийский текст по Пешитте, удинский текст по переводу на варташенский диалект, создан-

⁴ Ряд материалов по проекту, в том числе черно-белые фотографии рукописей Sin.Geo N 13 и Sin.Geo N 55, доступны на сайте проекта <http://armazi.uni-frankfurt.de/>.

⁵ В книге отсутствует сплошная нумерация страниц, в каждом из разделов собственная нумерация. Ниже ссылки на страницы сопровождаются указанием на раздел (например, III-35 – страница 35 раздела III); введение обозначено префиксом «В».

ному в конце XIX в.⁶, а также русский синодальный перевод, с которого и был сделан удинский. Для других новозаветных текстов грузинский перевод также дается в двух вариантах (более старом и более новом), армянский перевод приводится только по Библии Зохраба, удинский и русский текст отсутствуют.

Кавказско-албанские индексы к изданию включают указатели библейских имен, топонимов, этнонимов, указатель числовых обозначений и обширный указатель лексики, перечисляющий все встречающиеся формы соответствующих лексем с удинскими (и, по возможности, другими нахско-дагестанскими) параллелями и переводными эквивалентами из армянских, грузинских и греческих переводов. (Несмотря на использование латинской транслитерации, указатели основаны на албанском алфавитном порядке.) Кроме того, имеются обратные указатели для упоминаемых в словаре английских, армянских, греческих, грузинских, удинских и пр. слов, которые отсылают к соответствующим кавказско-албанским входам.

Говоря о принципах издания, Й. Гипперт и В. Шульце отмечают, что в целом они были такими же, как и при издании грузинского Венского кодекса [Gippert et al. 2007], что связано с общей целью документировать древний манускрипт, предоставив его фотографии и расшифровку текста. В случае кавказско-албанского палимпсеста, однако, сам язык рукописи был ранее практически неизвестен, поэтому ему было решено посвятить специальный раздел. Кроме того, по техническим причинам оказалось невозможным подготовить к печати полный набор мультиспектральных фотографий, как это было сделано для Венского кодекса. Поэтому в основном в качестве иллюстраций в издании приводятся черно-белые ультрафиолетовые фотоснимки, сделанные в 2000 г.; они были специальным образом обработаны, чтобы подчеркнуть нижний слой палимпсеста и затенить верхний. Цветные и мультиспектральные фотографии приведены лишь в нескольких случаях. Поскольку в процессе расшифровки текста были использованы фотографии всех типов, а опубликованы далеко не все из них, авторы признают, что «верификация прочтения как таковая будет не всегда возможна по публикуемым снимкам» (I-37).

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУКОПИСЕЙ

Два палимпсеста, каталогизированные как Sin.Geo N 13 и Sin.Geo N 55, вместе включают 332 страницы. В большинстве случаев это страницы сложенных вдвое разворотов размером ок. 30 × 23 см (I-2)⁷, сшитых в небольшие блоки – по четыре или пять сдвоенных страниц. Верхний слой всех страниц, кроме одной (оставшейся незаполненной), содержит грузинский текст, выполненный минускульным письмом нусхури, – от 22 до 24 строк на странице.

Как выяснилось в ходе анализа, две рукописи представляют собой части единого кодекса, в котором страницы Sin.Geo N 55 располагались между страниц Sin.Geo N 13. Начало манускрипта и некоторые из промежуточных страниц утрачены. В целом же кодекс является типичным для собрания Синайского монастыря сборником аскетической и житийной литературы – в него входят переводы на древнегрузинский язык таких произведений, как «Житие Св. Антония» Афанасия Александрийского, семь писем Св. Антония и его апофтегмы, 1-е послание Макария Египетского, семь писем и «Наставления» Аммона Нитрийского, 3-е Слово Исаяи Отшельника, четыре (или пять) проповедей Ефрема Сирина, собрание апофтегм, послание «О покаянии, воздержании и девстве» Иоанна Постника, а также начало «Истории монахов в Египте».

⁶ Перевод Четвероевангелия на удинский язык, выполненный Семеном Бежановым из Варташена, был создан в последние годы XIX в. и опубликован в 1902 г. в серии «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» [Евангелие 1902]; в 2001 г. текст этого перевода был переиздан В. Шульце в транскрипции и с приложением указателей и конкорданса [Schulze 2001].

⁷ В другом месте размер разворота указан как 19,5 × 22,4 см (B-xxi).

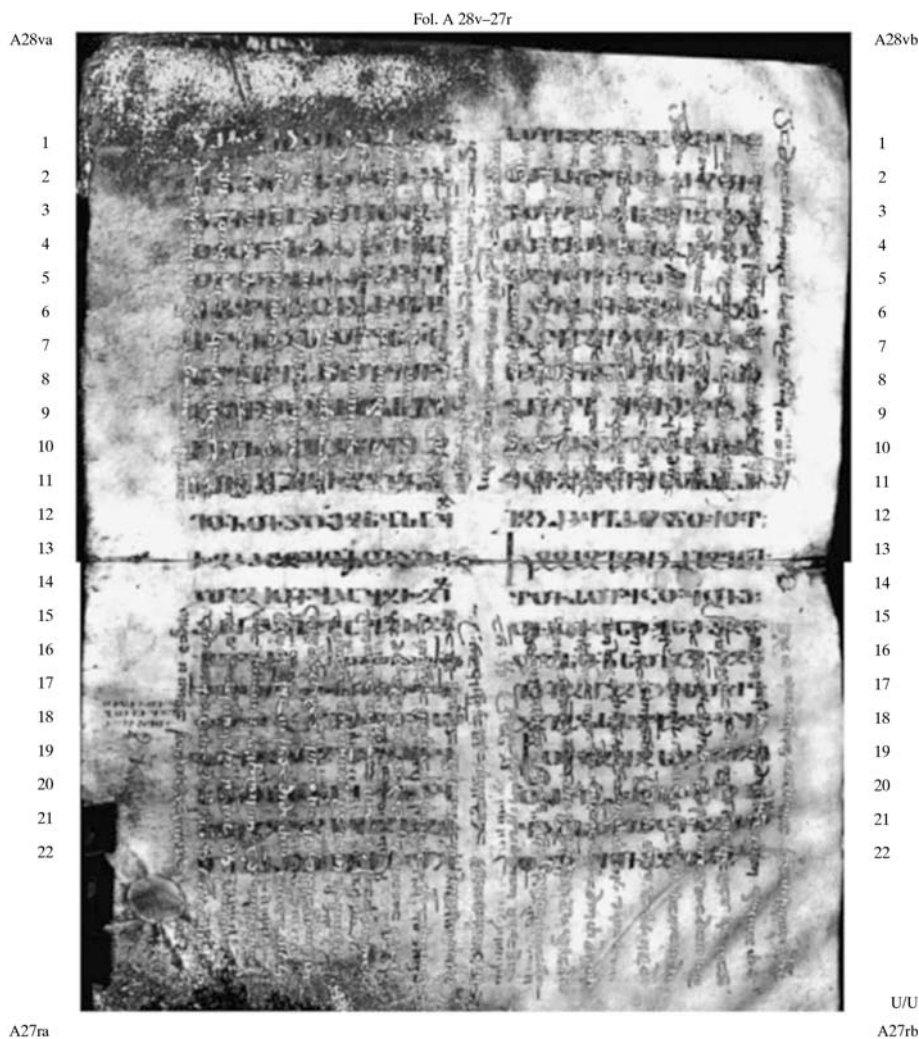

Рис. 1. Фотография страницы лекционария, разворот A28v-27r [Gippert et al. 2009: VII-40]
 Нижний слой (кавказско-албанский, горизонтальные строки) высвечен,
 верхний слой (древнегрузинский, вертикальные строки) затенен

Нижний слой палимпсестов гораздо более разнороден – материалом для грузинского кодекса послужили целых шесть исходных рукописей на четырех языках. Основная часть – 242 страницы, или 121 разворот, – написана на кавказско-албанском языке и состоит из двух рукописей, ставших первыми обнаруженными на сегодня крупными памятниками кавказско-албанской письменности. 126 страниц, написанных более крупными буквами, содержат лекционарий, 112 страниц – текст Евангелия от Иоанна; содержание еще двух разворотов не удалось распознать ввиду плохой сохранности текста. Помимо этого, нижний слой включает 84 страницы на армянском языке (в которых можно выделить две разные рукописи, различающиеся почерком), два разворота на сирийском и один разворот на грузинском, написанный письмом асомтаврули.

По сравнению со страницами грузинского кодекса кавказско-албанские страницы повернуты на 90 градусов: это связано с тем, что при повторном использовании (когда исходный кавказско-албанский текст был затерт, чтобы написать новый) листы рукописи

Кроме того, при решении вопроса о датировке авторы рассматривают сходства и различия кавказско-албанских текстов с аналогичными грузинскими и армянскими рукописями – в частности, применительно к системе сокращений, которые активно используются в кавказско-албанском для нескольких групп слов. В основную группу входят священные имена «Бог», «Господь», «Иисус», «Христос», «Иерусалим», «Израиль» и некоторые другие – за единичными исключениями эти слова приводятся только в титлованном виде, и сокращению в них обычно подвергается вся часть между первой и последней буквой корня, окончание же приводится полностью. Кроме того, в рукописи частотны сокращения гласных (прежде всего гласной в показателе множественного числа у местоимения *o* и у совпадающего с этим местоимением суффикса субстантивации *-o*) и различных частотных слов типа ‘поэтому’, ‘какой’, ‘ваш’, ‘второй’, ‘хороший’ и др.; во всех этих случаях сокращения не столь систематичны, как в случае священных имен. В целом, в использовании сокращений кавказско-албанская рукопись ближе всего к древнегрузинским образцам, в которых уже на достаточно ранних этапах сокращению подвергались не только священные имена, но и частотные местоимения и союзы (тогда как, например, в армянском Эчмиадзинском Евангелии сокращения зафиксированы только у шести основных сакральных слов).

По ряду черт рукопись кавказско-албанского Евангелия проявляет наибольшее сходство с древнеармянским Эчмиадзинским Евангелием (989 г.) и древнегрузинским Адишским Евангелием (897 г.): в них текст также написан в две колонки, начало раздела отмечается увеличенной заглавной буквой, на полях слева приводится нумерация Аммониевых секций, а внизу страницы – таблицы Евсевиевых канонов. Впрочем, само по себе данное сходство не означает, что кавказско-албанская рукопись была также написана именно в IX–X вв., поскольку подобный тип оформления страницы был известен на Кавказе и раньше (по меньшей мере с VII в.). Что же касается рукописи лекционария, то она по нескольким параметрам отличается от своих грузинских и армянских аналогов. Так, дополнительная информация к фрагментам разделена на две части и включает как указание на источник перикопы в самой колонке текста, так и специальную помету на полях о том, когда следует читать соответствующий отрывок. Кроме того, общая композиция отличается от модели иерусалимского лекционария, представленной в грузинских и армянских образцах: чтения упорядочены не по хронологии событий церковного года, а в соответствии с источником (сначала идут Евангелия, затем Деяния Апостолов, Апостольские послания и фрагменты из Ветхого Завета), внутри этих разделов они расположены по тематическому принципу. Не исключено, что кавказско-албанский текст был составлен на основе не дошедшего до нас (или пока не обнаруженного) типа лекционариев, или же он мог быть создан независимо из частей уже имевшегося полного перевода Библии на кавказско-албанский язык⁹.

Все рассмотренные аргументы позволяют авторам утверждать, что оба кавказско-албанских текста «по-видимому, были написаны в промежутке между концом VII в. и X в., причем более вероятно более поздняя датировка» (I-32). Кратко затронут и вопрос о возможном языке-источнике кавказско-албанских переводов. Наиболее естественных кандидатов здесь четыре: это армянский, грузинский, греческий и сирийский оригиналы. Одним из важнейших индикаторов языка-источника обычно являются имена собственные и специфические библейские понятия, однако здесь наблюдается достаточно неоднозначная картина. В кавказско-албанском тексте идентифицируются заимствования как из армянского, так и из грузинского; все греческие заимствования также соответствуют либо одному, либо другому из этих двух языков. В Евангелии от Иоанна отмечается несколько имен, форма которых наиболее близка к сирийскому оригиналу (например, *zadokaowx* ‘саддукеи’ или *ešaya* ‘Исайя’), однако эта близость может отражать не факт перевода непосредственно с сирийского, а опять же армянское либо

⁹ Языковых различий между двумя рукописями не выявлено; единственное заметное различие состоит в написании слова ‘учитель’ (армянское заимствование) – *vardapet* или *varṭapet* (I-30).

Item no.	CA	Phonet. value	Trans-literation	Num. value
1	ᲀ	[a]	<i>a</i>	1
2	ᲂ	[b]	<i>b</i>	2
3	ᲄ	[g]	<i>g</i>	3
4	ᲆ	[d]	<i>d</i>	4
5	ᲈ	[e]	<i>e</i>	5
6	ᲊ	[z]	<i>z</i>	6
7	᲌	[e: / ej]	<i>ē</i>	7
8	᲎	[ʒ]	<i>ž</i>	8
9	Ა	[t]	<i>t</i>	9
10	Გ	[tʰ]	<i>tʰ</i>	10
11	Ე	[j]	<i>y</i>	20
12	Ზ	[ʒ]	<i>ž</i>	30
13	Ი	[i]	<i>i</i>	40
14	Ლ	[ʃ]	<i>ʃ</i>	50
15	Ნ	[l]	<i>l</i>	60
16	Პ	[nʰ]	<i>nʰ</i>	70
17	Ტ	[x]	<i>x</i>	80
18	Ფ	[dʰ]	<i>dʰ</i>	90
19	Ყ	[tsʰ]	<i>ç</i>	100
20	Ჩ	[dʒ]	<i>ǰ</i>	200
21	Ძ	[kʰ]	<i>kʰ</i>	300
22	Ჭ	[f]	<i>lʰ</i>	*400
23	Ჯ	[h]	<i>h</i>	*500
24	Ჱ	[q. ʒ]	<i>ɣ</i>	*600
25	Ჳ	[v]	<i>â</i>	*700
26	Ჵ	[tʰ]	<i>č</i>	*800
27	Ჷ	[tʰ]	<i>č</i>	*900
28	*Ჹ	[tsʰ] ?	<i>(cʰ)</i>	*1000
29	᲻	[m]	<i>m</i>	*2000
30	Ჽ	[qʰ]	<i>qʰ</i>	*3000
31	Ჿ	[r]	<i>n</i>	*4000
32	*Ჾ	[dzʰ] ?	<i>(ʒʰ)</i>	*5000
33	᲼	[ʃ]	<i>š</i>	*6000
34	*Ჿ	[dʒ]	<i>ǰ</i>	*7000
35	Ჽ	[o]	<i>o</i>	*8000
36	Ჿ	[tʰ]	<i>tʰ</i>	*9000
37	Ჿ	[f]	<i>f</i>	*10000
38	Ჿ	[dz]	<i>ʒ</i>	*20000
39	Ჿ	[tʰ]	<i>č</i>	*30000
40	Ჿ	[pʰ]	<i>pʰ</i>	*40000
41	Ჿ	[ɣ]	<i>g</i>	*50000
42	Ჿ	[r]	<i>r</i>	*60000
43	Ჿ	[s]	<i>s</i>	*70000
44	Ჿ	[v]	<i>v</i>	*80000
45	Ჿ	[tʰ]	<i>tʰ</i>	*90000
46	Ჿ	[e]	<i>é</i>	*100000
47	Ჿ-(Ჿ)	[y]	<i>i</i>	*200000
48	Ჿ	[tsʰ]	<i>çʰ</i>	*300000
49	Ჿ	[tsʰ]	<i>c</i>	*400000
50	Ჿ	[w]	<i>w</i>	*500000
51	Ჿ	[pʰ]	<i>p</i>	*600000
52	Ჿ	[kʰ]	<i>k</i>	*700000

Рис. 3. Кавказско-албанский алфавит (по [Gippert et al. 2009: II-4–II-6])
 Столбцы таблицы: 1) номер буквы, 2) изображение буквы, 3) фонетическая транскрипция, 4) используемая транслитерация, 5) числовое значение

грузинское посредничество, а именно более древнюю форму передачи имен, позднее скорректированную в обоих языках под греческим влиянием. Текстовые совпадения также отмечаются как с армянской и грузинской, так и с греческой и сирийской версиями библейских переводов. И хотя в нескольких местах структура албанского текста может объясняться только переводом с армянского, в целом все приводимые сходства не дают оснований для однозначных утверждений о языке-источнике – «они лишь доказывают, что албанская версия принадлежит к определенной традиции, в рамках которой разделяет наибольшее число сходств с армянской Библией и в меньшей степени со старыми вариантами грузинской, и которая на ранних этапах опиралась также (или испытала влияние) на сирийские модели» (I-36).

3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА ПАЛИМПСЕСТОВ

Открытие двух кавказско-албанских манускриптов позволило уточнить названия и фонетические значения большинства букв алфавита, известного по матенадаранской рукописи № 7117, – как за счет сравнения с современным удинским языком, так и за счет анализа передачи заимствованных слов. Кроме того, ссылки на фрагменты Священного Писания помогли определить числовые значения для 21 буквы в начале алфавита. В книге приводится сопоставительная таблица с вариантами предшествующих интерпретаций букв матенадаранской рукописи (принадлежащих А.Г. Шанидзе, А.Г. Абрамяну, В.Л. Гукасяну и С.Н. Муравьеву) и отдельно – таблица с теми вариантами букв и их предполагаемыми названиями, фонетическими и числовыми значениями, которые представлены в синайских палимпсестах (частично она воспроизведена на рис. 3). По принципу расположения букв кавказско-албанский алфавит следует за армянским аналогично тому, как сам армянский опирается на греческий. В армянском алфавите 22 буквы, имеющие греческие эквиваленты, расположены в той же последовательности, что и в греческом, а дополнительные 14 букв вставлены между ними (В-xxiv). Аналогично, 30 (или 29) кавказско-албанских букв, имеющих армянские эквиваленты, стоят на тех же местах, что и в армянском, тогда как прочие 22 (или 23) буквы вставлены между ними достаточно случайным образом. Это отличает кавказско-албанский и армянский от грузинского алфавита, в котором греческие буквы идут подряд в своем исходном порядке, а почти все дополнительные буквы размещены в конце (сопоставительная таблица греческого и трех закавказских алфавитов приводится на с. II-16, II-17).

Из 52 кавказско-албанских букв бесспорно могут быть идентифицированы фонетические значения 29 букв (ср. № 1–7, 9, 11, 13, 15, 21, 23, 29–31, 33, 35, 37, 40–46, 50–52 в таблице на рисунке 3). Для остальных 23 символов определение значений менее очевидно, поскольку они отсутствуют в заимствованиях и словах с удинскими эквивалентами, не имеют соответствий в армянском и грузинском алфавитах, редко встречаются (три буквы не отмечены в палимпсестах ни разу), а, кроме того, некоторые из «проблематичных» букв слишком похожи и не всегда различимы в рукописи. Среди этих 23 букв – предполагаемые обозначения для большинства аффрикат, велярного и увулярного фрикативного, «вторичных» (фарингализованных?) гласных и фарингального согласного, палатальных (палатализованных?) смычных и сонантов и некоторых других.

С поправкой на спорные прочтения некоторых букв, фонетическая система языка кавказско-албанских палимпсестов может быть восстановлена следующим образом. Из семи гласных (*i, ï, e, a, ä, o, u*)¹⁰ две, а именно – *ï* и *ä*, вероятно, имели «фарингальную (ко)артикуляцию» (II-7). При этом фарингализованным гласным современного удинского языка соответствуют в основном сочетания фарингального согласного ^ʕ и «простой» гласной, ср. *v^ʕan* ‘вы’ ~ уд. *valn, p^ʕa* ‘два’ ~ уд. *p^ʕal*. В системе согласных отмечается тричное противопоставление звонкого, глухого и абруптивного у смычных и аффрикат; см. таблицу I. В отличие от современного удинского, выделяется ряд палатализованных

¹⁰ Две гласные всегда записывались в виде диграфов, ср. *ow* /u/ и *ïw* /ü/. Седьмая буква алфавита, транслитерируемая как *ē*, использовалась для передачи дифтонга /ej/.

Таблица 1

Система согласных кавказско-албанского языка
(по [Gippert et al. 2009: II-17])

	смычные	аффрикаты	фрикативные	сонанты
губные	<i>b p p̣</i>		<i>v f</i>	<i>m (w)</i>
денто-альвеолярные	<i>d t ṭ</i>	<i>ʒ c ɟ</i>	<i>z s</i>	<i>n r l</i>
(палатализ.)	<i>d' t'</i>	<i>ʒ' c' ɟ'</i>		<i>n' l' y</i>
альвео-палатальные		<i>ʃ ɟ̟ ɟ̟'</i>	<i>ʒ̟ ʃ̟</i>	
постальвеолярные		<i>ʒ' ɟ' ɟ'</i>	<i>ʒ' ʃ'</i>	
велярные	<i>g k ḳ</i>		<i>g̟ x</i>	
увулярные	<i>x/q q</i>			
фарингальные			<i>ʕ</i>	
ларингальные			<i>h</i>	

денто-альвеолярных (*d', t', ʒ', c', ɟ', n', l'*), а также упомянутый выше фарингальный согласный *ʕ*, впоследствии перешедший в признак дополнительной артикуляции гласных. Не вполне понятна фонологичность противопоставления *w* и *v*, а также точное соотношение между *x* и *x̣*, которые не всегда различимы в рукописи и чисто графически (первый из них, по всей видимости, обозначал велярный фрикативный /x/, а второй – увулярный смычный /q/ либо фрикативный /χ/).

Кавказско-албанский язык – эргативный, с богатой падежной системой и субъектным личным согласованием. В именной группе существительное, как правило, располагается в конце, ему предшествуют артикль, прилагательное, числительное, указательное местоимение, зависимое в генитиве (последнее, впрочем, может и следовать за вершиной); имеются послелогии. Наряду с эргативной конструкцией у переходных глаголов и абсолютивной у непереходных, выделяется дативная конструкция, в которой дательным падежом оформляется субъект экспериенциальных глаголов типа *aķesown* ‘видеть’, *čalxesown* ‘знать, понимать’, *bowqesown* ‘любить, хотеть’, *ihesown* ‘слышать’, *baķesown* ‘находить’ и др.

Имена существительные, как и в современном удинском языке, обладают категориями падежа и числа; общелезгинское противопоставление по роду (именному классу) в языке палимпсестов уже было утрачено. Структура именной словоформы имела вид «основа – показатель числа – показатель падежа», при этом единственное число было немаркированным, аффиксами множественного числа были *-owx/-owx̣*. Падежная система в целом близка к удинской, однако с более развитой системой локативов, а также с морфологическим вокативом (звательным падежом). Образование косвенных падежей от особой косвенной основы с показателем *-n-* было свойственно лишь незначительному числу лексем. При этом основная масса падежных форм, а именно: три дательных и все локативные падежи – была образована на основе первичного датива с вокалическим окончанием *-a, -e, -i* или *-ow* (ср. *-V* в таблице 2).

Основной функцией абсолютива было обозначение субъекта непереходного глагола и пациенса переходного; эргатив обозначал агенс переходного глагола либо инструмент. Пациенс переходного глагола мог также обозначаться третьим дативом, хотя распределение этих двух средств не вполне ясно. Помимо этого, все три дательных падежа имели локативные функции (и обозначали нахождение либо направление), первый датив маркировал также адресата и экспериенцера, а второй датив – адресата речи. Локативные падежи (аблативы, эссивы, директив) главным образом выражали разного рода пространственные значения.

Падежная система кавказско-албанского языка
(по [Gippert et al. 2009: II-23–II-27])¹²

Название	Аффиксы	Название	Аффиксы
Абсолютив	(не маркирован)	Датив 2	-V-s
Вокатив	-e / -o	Антеаблатив 1	-V-staxoc
Эргатив	-en / -in, -e		-V-s-ax-oc
Генитив 1	-i / -y / -ya	Суперэссив 1	-V-l
Генитив 2	-own / -in	Супераблатив	-V-l-oc
Датив 1	-a / -e / -i / -ow		-V-l-ox-oc
Аблатив 1	-oc (< -V-oc ?)		-V-l-oštay
Адэссив 1	-V-k(a)	Суперэссив 2	-V-l-oš
Адэссив 2	-V-ç	Датив 3	-V-x / -V-x̣
Экватив	-V-ğa	Аблатив 2	-V-x-oc
Субэссив	-V-ġ	Суперэссив 3	-V-x-ol
		Антеаблатив 2	-V-x-oštay
		Комитатив	-V-x-oš
		Директив	-V-x-ow

Личные местоимения включали четыре единицы – *zow* ‘я’, *vown* ‘ты’, *žan* ‘мы’, *v^han* ‘вы’; как и в удинском языке, они не противопоставляли формы абсолютива и эргатива. Система указательных местоимений, напротив, значительно отличалась от удинской. Так, к дальним демонстративам относилось три элемента, противопоставленных по роду: *o(o)* мужского рода, *ağ* женского и *ya/ee* среднего; с ними практически совпадали показатели субстантивации (так наз. *referentialisers*) прилагательных, причастий и наречий: ср. *-o* в мужском, *-ağ* в женском и *-o/-e* в среднем роде. Кроме того, выделялся определенный артикль (употребление которого в целом соответствует употреблению армянских *-s*, *-d* и *-n*), также различавший формы рода, ср. соответственно *o*, *a* и *e*¹¹. Прочие разряды местоимений, а также числительные, в целом были достаточно близки удинским.

Видо-временная система кавказско-албанского языка была достаточно небогатой, при этом в ней сохранялись элементы пралезгинского принципа образования глагольных основ. Всего у глагола выделяется четыре основы (прошедшего и настоящего времени, инфинитива и императива), которые, в частности, различаются тематической гласной – *e* в прошедшем времени и инфинитиве и *a* в настоящем времени и императиве; у глаголов «слабого» спряжения в прошедшем времени показателем был также *-a*. У нескольких глаголов при образовании основ использовался аблаут и инфиксы *-r/-l-* либо *-e-*, имелись и глаголы с супплетивными основами: ср. соотношение основ прошедшего и настоящего времени *ihe-* ~ *aha-* ‘быть, стать’, *biya-* ~ *ba(a)* ‘делать’, *iga-* ~ *il’ega-* ‘бить’, *(ow)pe* ~ *(ow)ka* ‘говорить’. Следует также отметить, что морфологически простых глаголов было немного (всего около 30), а основная масса глагольных лексем

¹¹ По предположению авторов книги, артикли этимологически восходят к префиксальной серии общелезгинских показателей именного класса, ср. *w-* ‘1 кл.’ > *o* ‘муж. р.’, *y-/r-* ‘2 кл.’ > *a* ‘жен. р.’, *b/d* ‘3/4 кл.’ > *e* ‘ср. р.’ (II-38).

¹² Падежные формы, имеющие единичные употребления, не снабжены ярлыком; в случае локативных падежей многие ярлыки достаточно условны, поскольку примеры их употребления не всегда дают возможность точно определить значение формы.

имела составную структуру; больше всего было сложных глаголов со служебными компонентами *ihesown* 'быть, стать', *biyesown* 'делать', *(ow)pesown* 'говорить' и именной («инкорпорированной») частью.

К основным нефинитным формам относились инфинитив на *-es* (который имел формы основных падежей) и масдар на *-esown*, исторически производный от инфинитива; масдар используется и в качестве словарной формы глаголов. Причастия совпадали с наименее маркированными финитными формами (настоящим и прошедшим временем); помимо этого, в функции причастий употреблялось имя деятеля на *-al*, а также крайне редкие формы на *-ala* и *-ana*, дистрибуция которых в точности неясна. Ядро видо-временной системы индикатива составляли настоящее и прошедшее время, а также две производные от них аналитические формы – имперфект и плюсквамперфект, включавшие служебный элемент *-hey* (*-hē*), клитическую форму прошедшего времени глагола *ihesown* 'быть, стать'. Кроме того, выделялся целый ряд неиндикативных форм (см. таблицу 3), а также особые модальные конструкции со значением возможности и необходимости.

Отрицание выражалось при помощи нескольких показателей, функционировавших как проклитики: *te-* использовалось в основном с прошедшими временами, *now-* (иногда в виде *na-*, *ni-*, *n-*) – с непрошедшими, *nowt-* – в зависимых предложениях, а *ta-* сочеталось с императивом и гортативом-оптативом.

К клитикам относились и личные показатели, которые, помимо функции согласования с субъектом, выступали как средство выражения фокуса высказывания¹³. Личные клитики 1–2 лица происходили из личных местоимений и сохраняли явное сходство с последними (ср. *-zow* '1 л. ед. ч.', *-žan* '1 л. мн. ч.', *-nown* '2 л. ед. ч.', *-nan* '2 л. мн. ч.');

в роли показателя 3-го лица выступала *-n/-ne*, либо же 3-е лицо оставалось немаркированным. Как правило, выраженный показатель 3-го лица использовался лишь с формами системы претерита (прошедшее время, плюсквамперфект, оптатив), но не с формой настоящего времени и производными от нее. Согласование по третьему лицу нередко «усиливалось» анафорическими местоимениями в соответствующем падеже, ср. *heqay-ne* 'он взял' с личной клитикой *-ne* и *heqay-n-oen* 'он взял', где за клитикой *-n* следует местоимение *oen* в эргативе.

Для кавказско-албанского текста в высшей степени характерны цепочки клитик: помимо упомянутых выше показателей личного согласования, отрицания и глагольных служебных слов *hey*, *-en'e*, *-qa*, в клитические цепочки входили личные и указательные

¹³ Яркой типологической особенностью удинского языка является наличие в нем «эндоклитик» – клитик, способных выступать не только на периферии словоформы, но и вклиниваться внутрь нее и даже внутрь глагольного корня (подробнее о данном явлении, а также об употреблении удинских клитик и их диахроническом развитии см. работы Э. Харрис, прежде всего ее монографию [Harris 2002]). В качестве примера ср. удинскую форму перфекта *ba-ne-ke* 'он был, стал', содержащую морфологически нечленимый корень *bak-* (возможна также форма *bake-ne*, в которой клитика 3-го лица *-ne* занимает конечную позицию). Й. Гипперт и В. Шульце отмечают, что в языке палимпсестов эндоклитизация «все еще крайне редка, если вообще присутствует» (П-52). Этот факт позволяет усомниться в гипотезе о происхождении удинского эндоклизиса, высказанной Э. Харрис: по ее мнению, личные показатели в удинском языке способны выступать внутри простой глагольной основы из-за того, что они в данном случае «наследуют» инфиксальную морфологическую позицию, свойственную классным показателям в лезгинских языках; при этом автор не исключает возможности того, что на каком-то этапе развития языка классные аффиксы и возникшие как инновация личные показатели могли сосуществовать (см. подробнее обсуждение в [Harris 2002: 213–222]). Однако в языке палимпсестов классные показатели уже были утрачены, а личные показатели уже сложились – при этом последние не отмечены в инфиксальных позициях, которые (предположительно) были свойственны первым. Это ослабляет гипотезу Э. Харрис о «наследовании позиции» (Slot Hypothesis): очевидно, в языке кавказско-албанских палимпсестов морфологическая «память» о существовании инфиксального «слота» в глагольной основе уже отсутствовала, так что последующий процесс внедрения личных морфем внутрь глагола скорее всего должен объясняться другими факторами.

Таблица 3

Основные глагольные формы кавказско-албанского языка

(по [Gippert et al. 2009: II-48–II-52]).

Название	Образование
Презенс	= основа наст. вр.
Имперфект	Презенс + <i>-hey</i>
Претерит	основа прош. вр. + <i>-y (-i)</i>
Плюсквамперфект	Претерит + <i>-hey</i>
Императив	= основа императива
Гортатив-оптатив	Претерит + <i>-ğa</i> , Презенс + <i>-ğa</i>
Кондиционал	Презенс + <i>-en'e</i> , Презенс + <i>-en'e + -hey</i>
Конъюнктив	= причастие на <i>-al (+ -anke)</i>

местоимения, относительные и неопределенные местоимения, некоторые союзы и наречия, а также фокусная частица *-al*. Согласно базовой схеме, в начале такой цепочки располагалась одна или несколько проклитик, затем шло опорное слово, более «тяжелая» энклитика и в конце несколько более «легких». В качестве примера ср., например, следующие комплексы:

- (1) *te-zow-ari*
NEG-1SG-приходить. PST
'я не пришел' (II-55; Мф. 5:17)
- (2) *now-besa-žan-hey*
NEG-искать.PRS-1PL-быть.PST
'мы не искали' (II-64; 1 Фес. 2:6)
- (3) *powl-efa-anaqe-oen-hey*
глаз-держать.PRS-поскольку-он.ERG-быть.PST
'поскольку он ожидал (букв. глаз держал)' (II-63; Евр. 11:26)
- (4) *bisay-al-hanayt 'a-gâen-ke-zaḥ-oen*
помазать.PST-FOC-который-из.за-REL-1SG.DAT3-он.ERG
'из-за чего он миропомазал меня' (II-61; Лк. 4:18)

В книге не обсуждаются собственно критерии выделения «клитик» в кавказско-албанском языке: по всей видимости, клитиками считаются все элементы, которые в тексте записаны слитно с опорным словом. Вряд ли комплексы типа приведенных выше *powl-efa-anaqe-oen-hey* или *bisay-al-hanayt 'a-gâen-ke-zaḥ-oen* представляли собой единые фонетические слова; впрочем, ставить вопрос о просодических особенностях кавказско-албанского языка на современном уровне его изученности еще явно преждевременно¹⁴.

¹⁴ В современном удинском языке комплексы типа двух последних из приведенных выше не встречаются. Согласно традиционной точке зрения, к клитикам в удинском относятся личные показатели, морфемы отрицания, фокусная частица *-al* 'тоже, даже' и некоторые видо-временные и модальные маркеры, – но не местоимения и наречия. При этом, по мнению ряда исследователей, применительно к личным показателям следует говорить скорее о (нестандартных) аффиксах, нежели о клитиках, см. подробнее обсуждение в [Luis, Spencer 2005; Luis 2009].

Авторы указывают на то, что их описание грамматики кавказско-албанского языка является «сугубо иллюстративным» и «не ставит целью обсуждение особенностей каждой категории, но предназначено для того, чтобы дать общий обзор значимых грамматических явлений» (II-21). Не все интерпретации приводимых Й. Гиппертом и В. Шульце примеров представляются вполне убедительными, однако в целом их очерк дает достаточно полное представление о языке палимпсестов.

Гораздо больше вопросов вызывают выводы авторов об истории и генетическом положении кавказско-албанского языка, которое рассматривается в специальном разделе. Здесь перечислены основные фонетические и морфологические процессы, происшедшие в кавказско-албанском, а также предварительный список соответствий между языком палимпсестов и современным удинским. Соответствия эти не являются вполне систематическими, поэтому предполагается, что удинский язык скорее всего не является непосредственным потомком языка, представленного в найденных рукописях, но восходит к одному из близких кавказско-албанских диалектов. На основе некоторых грамматических черт (например, ограниченное использование косвенной основы на *-n* или сохранение прошедшего времени на *-ay*) можно сделать вывод о том, что язык палимпсестов был чуть ближе к ниджскому диалекту. Тем самым, древнеудинский язык предположительно делился на ветвь, включавшую язык палимпсестов и предок ниджского диалекта, и другую ветвь, к которой восходит современный варташенский диалект (II-78).

Что касается кавказско-албанской лексики, представленной в палимпсестах, то примерно ее треть имеет параллели в удинском языке, некоторые слова можно сблизить с другими языками лезгинской группы, а около трети слов имеют неясную этимологию. Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, удинский язык образует отдельную ветвь лезгинской группы, наиболее рано отделившуюся от пралезгинского языка. Во вторую ветвь входят арчинский язык, также занимающий особое положение, и «самурская» подгруппа, которая, в свою очередь, делится на восточнолезгинскую (агульский, лезгинский и табасаранский), западнолезгинскую (рутульский и цахурский) и южнолезгинскую ветви (крызский и будухский). Авторы раздела высказывают достаточно революционную точку зрения о том, что удинский не образует отдельной ветви, а входит в самурскую подгруппу и, более того, внутри нее наиболее близок восточнолезгинским языкам¹⁵. По их мнению, на это указывает как анализ удинской и кавказско-албанской лексики, так и ряд грамматических изоглосс (к последним относятся, в частности, устройство системы дейктических местоимений, местоименная вопросительная основа **nau-* ‘какой’, использование чередований тематических гласных в видо-временных основах и пр.).

Лексикостатистический анализ, призванный продемонстрировать восточнолезгинскую природу кавказско-албанского и удинского языков, выглядит следующим образом. Для стословного списка Сводеша приводятся слова современных лезгинских языков и кавказско-албанские слова, зафиксированные в палимпсестах; указана также пралезгинская реконструкция соответствующих корней. Среди 74 кавказско-албанских слов, соответствующих значениям стословника, 41 слово имеет этимологические параллели в удинском; в целом же из всех кавказско-албанских и удинских слов 73 имеют соответствия хотя бы в одной из основных ветвей лезгинской группы. Критерием определения большей или меньшей близости кавказско-албанского / удинского к прочим лезгинским языкам является «фонетическое сходство» (*phonetic resemblance*): те слова современных языков, которые по форме наиболее близки кавказско-албанскому и/или удинскому (*best matches*), выделены полужирным. Так, например, сходными с удинским местоимением *zu* ‘я’ признаются агульское и лезгинское *zun* и табасаранское *uzu*, но не слова других языков, звучащие как *zə*, *zən*, *zon*; среди слов со значением ‘язык’ как сходные с удинским *muz* помечены слова тех языков, в которых они имеют вид *miz* или

¹⁵ Впервые гипотеза о восточнолезгинской принадлежности удинского языка была упомянута в работе [Schulze 2005].

mez, но не арчинское *mac* и табасаранское *melz*, и т. п. Оказывается, что при таком подходе наибольшую близость кавказско-албанский / удинский проявляет именно к восточнолезгинской подгруппе: с агульским языком отмечается 31 сходство, с лезгинским и табасаранским по 21; со всеми остальными языками лезгинской группы сходств менее 20 (от 4 с арчинским до 15 с крызским). На основе этих подсчетов и делается вывод о том, что праудинский язык входил в восточнолезгинскую подгруппу, внутри которой образовывал общую ветвь с агульским и, возможно, также с лезгинским языком (впрочем, ничего не говорится о том, на чем основана эта вероятность большей близости праудинского к лезгинскому, но не табасаранскому – по числу «фонетических сходств» они не различаются).

Опора на поверхностное «фонетическое сходство» между родственными словами современных языков представляется крайне сомнительным приемом уточнения генетической классификации и трудно было ожидать, что именно к нему прибегнут такие квалифицированные специалисты, как Й. Гипперт и В. Шульце. Само понятие фонетического сходства никак не формализуется авторами, и в ряде случаев трактовка когнатов как «сходных» или «несходных» выглядит произвольной. Так, не очень понятно, почему, например, удинское *aḱ-* ‘видеть’ признается сходным с лезгинским *aḱun*, агульским *ag^w*- и табасаранским *argub*, но не с арчинским *ak:us* (в этих случаях *-n*, *-b*, *-s* являются аффиксами словарных форм глагола и не входят в основу) или почему кавказско-албанское *wun* сопоставляется с агульским, лезгинским и арчинским *wun* и табасаранским *iwu*, но не с крызским *vun*. Все такие неоднозначные случаи, число которых достаточно велико, прямо влияют на подсчеты.

Среди слов стословника встречаются заимствования (ср. удинское *tum* ‘семя’, предположительно из средне-иранского *tōxm*, *tōhm*), при этом не оговаривается, в каких случаях они учитываются. Не всегда понятен выбор диалекта, из которого берется слово стословника: в случае языков с большой диалектной дробностью (как, например, агульский или табасаранский) когнаты могут иметь существенные фонетические различия, и произвольный выбор одного из них для нужд «поверхностного» сравнения по сходству неизбежно приведет к искажению при подсчетах. Положение усугубляют также фонетические ошибки и неточности: ср., например, агульские слова *rak*: ‘солнце’, *axa xos* ‘знать’ или *qac’i-k’*- ‘кусать’, которые в таком виде не отмечены ни в одном диалекте (в действительности по диалектам зафиксированы *raḱ* / *raḱ* ‘солнце’, *ḱa-* / *ḱlu-* / *aḱla-* / *aḱa-* / *jaḱa-* ‘знать’, а также сложный глагол *q’ac’ik’as* ‘кусать’, букв. ‘укус вкладывать’).

Вряд ли корректен и сам принцип сравнения только лишь кавказско-албанского / удинского языка с прочими лезгинскими: в случае, если авторы действительно верят в принцип «фонетического сходства», имело бы смысл провести попарное сравнение всех языков группы со всеми – не исключено, что в таком случае классификация приняла бы существенно иной вид (другим в таком случае могло оказаться и положение праудинского языка на генетическом древе)¹⁶. В целом, лексикостатистический анализ лезгинских языков и следующие из него выводы о генетической классификации кажутся нам наиболее слабым местом во всей книге. Даже если воспринимать всерьез гипотезу авторов о восточнолезгинской принадлежности удинского языка, вряд ли имело смысл обнародовать ее именно в издании палимпсестов, к тому же еще в столь «сыром» и недостаточно аргументированном виде.

¹⁶ Ср. в этой связи метод автоматической классификации языков, при котором происходит попарное сравнение 40-словных списков более 4500 языков мира (записанных в единой ASCII-транскрипции); расстояние между двумя языками определяется как среднее арифметическое дистанций Левенштейна для всех 40 лексических единиц, дерево языков строится методом «ближайшего соседа» [Brown et al. 2008]. При том, что фрагмент данного древа для кавказских языков не во всем совпадает с традиционной генетической классификацией, удинский язык при таком способе построения все равно занимает отдельное место среди лезгинских, не проявляя специфической близости ни к одному другому языку группы, см. [Müller et al. 2009].

4. ОБЩАЯ ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Подводя итоги, прежде всего отметим, что открытие и публикация кавказско-албанских палимпсестов, безусловно, знаменуют собой начало важного этапа в изучении истории и ранних контактов удинского языка, истории Кавказской Албании и типологии раннесредневековых библейских переводов в Закавказье. Книга «The Caucasian Albanian palimpsests of Mt. Sinai» – итог длительной работы целой исследовательской группы – впервые вводит в научный оборот огромный объем уникального языкового и исторического материала. Несомненно, за публикацией источников последуют дальнейшие обобщения и уточнения предварительных интерпретаций, что позволит вывести албановедение (прежде всего лингвистическое) на новый уровень.

Что касается недостатков и слабых мест данного издания, то они неизбежны для любой работы подобного масштаба. Отметим, в частности, небольшие расхождения при описании одних и тех же фактов в разных частях работы (в особенности в разделах, написанных разными авторами); они касаются, например, указания на размеры рукописи и количество строк и букв на странице, а также подсчетов, связанных с происхождением символов алфавита. Во Введении, содержащем исторический очерк с многочисленными отсылками к древним географическим названиям, ощущается нехватка исторической карты (или карт), которая бы позволила более наглядно представить себе ландшафт восточного Закавказья в описываемый период.

Основной из недочетов в представлении источника указан самими авторами и уже упоминался выше: размер и качество публикуемых во втором томе фотографий страниц рукописи не позволяет проверить правильность расшифровки конкретных букв и слов. В данном случае читатель может лишь следовать за авторами книги и воспринимать расшифрованный кавказско-албанский текст как данность, обращая более пристальное внимание уже на его морфологический и синтаксический анализ. Такой анализ возможен благодаря публикации в первом томе издания грамматического очерка и словаря языка палимпсестов. Можно, однако, сожалеть, что транскрипция текста не сопровождается подстрочным морфемным разбором (например, таким, который используется в иллюстративных примерах раздела II). Подобное представление кавказско-албанского оригинала значительно бы облегчило работу с ним неспециалистам, тем более что специалистов в области кавказско-албанской грамматики до сих пор просто не было – ранее за неимением сколько-нибудь представительных образцов текста на данном языке удавалось лишь предположительно идентифицировать несколько именных аффиксов, см. [Климов 1999: 459–460].

Знакомясь с текстом кавказско-албанских манускриптов, не следует забывать, что немалая его часть была реконструирована авторами *in toto* (главным образом это касается страниц Евангелия от Иоанна, нижний слой которых сохранился хуже и позволял прочесть менее половины написанного¹⁷). Как отмечают Й. Гипперт и В. Шульце, предположительное восстановление нечитаемого текста было сделано для того, чтобы «проверить вероятность правильной идентификации читаемых фрагментов», при этом реконструированная часть не претендует на полную аутентичность (V-1). Дальнейшие выводы о грамматической структуре кавказско-албанского языка, безусловно, должны базироваться лишь на оригинальных и достаточно надежно различимых фрагментах.

Как мы уже упоминали выше, в разделах книги, посвященных грамматике и истории кавказско-албанского языка, приводится множество сопоставлений с современным удинским, лексические параллели с другими языками нахско-дагестанской семьи, а также указывается пралезгинская реконструкция лексем 100-словного списка. При этом бросается в глаза почти полное отсутствие ссылок на работы как по удинскому и другим родственным языкам, так и по лезгинской реконструкции (тогда как во всех ос-

¹⁷ Речь идет именно о сохранившихся страницах рукописи; по оценке авторов, всего текст Евангелия предположительно занимал 47 страниц, из которых до нас дошло 29 (V-1).

тальных описательных разделах издания подстрочных примечаний и ссылок очень много). Можно предположить, что источниками сведений по удинской грамматике послужили собственные работы авторов, прежде всего В. Шульце (см., в частности, [Schulze 1982; Schulze-Fürhoff 1994]), однако это следовало оговорить в более явном виде. Еще более неоднозначна ситуация с реконструируемыми пралезгинскими корнями – в настоящее время общепринятая реконструкция лезгинских языков отсутствует, и приводимый Й. Гиппертом и В. Шульце вариант, вероятно, основан на неопубликованной диссертации [Schulze 1988] и этимологическом словаре, прилагаемом к переизданию удинского Евангелия [Schulze 2001]. Данная версия реконструкции отличается от тех, которые представлены, например, в монографиях [Алексеев 1985] и [Талибов 1980] или в словаре [Nikolayev, Starostin 1994], при этом читатель лишен возможности судить, насколько оправдан выбор именно предлагаемого авторами варианта и как в целом выглядит пралезгинская система фонем в их представлении.

Открытие и публикация синайских палимпсестов пришлось на период всплеска интереса к удинскому языку, связанного как с появлением новых научных публикаций по его грамматике (ср. уже упоминавшуюся монографию Э. Харрис), так и с разработкой письменности для этого языка, оставшегося бесписьменным на протяжении многих веков. В 1990–2000-е гг. в Азербайджане были изданы сборники произведений на удинском языке, переиздан удинско-азербайджанско-русский словарь, ведется работа над новыми переводами библейских книг¹⁸. Постепенно происходит возрождение культурной и религиозной жизни удин – с 1990-х гг. действует культурно-просветительское общество «Орайин» («Родник»), в 2003 г. в Баку была зарегистрирована Албано-удинская христианская община, а в мае 2006 г. в селении Нидж был торжественно открыт отреставрированный христианский храм Св. Елисея.

Тем самым, публикация кавказско-албанских рукописей в данное время как никогда актуальна и позволит хотя бы частично удовлетворить возросший интерес к истории удин, их языку и культуре. Хочется также надеяться, что открытие палимпсестов Sin. Geo N 13 и Sin. Geo N 55 в Синайском монастыре станет не последним и корпус источников по кавказско-албанскому языку со временем увеличится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамян 1964 – *А.Г. Абрамян*. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964.
 Абуладзе 1938 – *И.В. Абуладзе*. К открытию алфавита кавказских албанцев // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. 1938. Т. 4. № 1.
 Алексеев 1985 – *М.Е. Алексеев*. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
 Алексеев и др. 2008 – *М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак* (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008.
 Алексидзе 1997 – *З.Н. Алексидзе*. К открытию письменности Кавказской Албании // Festschrift für Fairy von Lilienfeld. Berlin, 1997.
 Алексидзе 1999 – *З. Алексидзе*. Новые памятники письменности Кавказской Албании // Христианский Восток. Новая серия. 1999. Т. 1 (7).
 Гукасян 1968 – *В.Л. Гукасян*. К дешифровке албанских надписей Азербайджана // Этимология 1966. М., 1968.
 Гукасян 1969 – *В.Л. Гукасян*. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана // Известия АН Азербайджанской ССР. 1969. № 2.
 Гукасян 1971 – *В.Л. Гукасян*. О вновь найденном списке албанского алфавита // Советская тюркология. 1971. № 2.

¹⁸ Документация и научное изучение удинского языка проводятся и в нашей стране – так, в 2007 г. в Астрахани был опубликован сборник удинского фольклора, составленный В.В. Дабаковым [Dabakov 2007]; в 2008 г. в Москве вышел «Удинский сборник» [Алексеев и др. 2008] – первая книга по удинской грамматике на русском языке со времен А. Дирра (см. [Дирр 1904]), т.е. более чем за 100-летний период.

- Дирр 1904 – *А. Дирр*. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
- Евангелие 1902 – Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа / Пер. С. Бежанова. Вып. XXX. Тифлис, 1902.
- Климов 1967 – *Г.А. Климов*. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // ВЯ. 1967. № 3.
- Климов 1970 – *Г.А. Климов*. К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) эпиграфики // ВЯ. 1970. № 3.
- Климов 1972 – *Г.А. Климов*. Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности // ИАН СЛЯ. 1972. № 1.
- Климов 1976 – *Г.А. Климов*. Вопросы дешифровки агванского (кавказско-албанского) письма // Тайны древних письмен. М., 1976.
- Климов 1999 – *Г.А. Климов*. Агванский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999.
- Корюн 1962 – *Корюн*. Житие Маштоца / Пер. Ш.В. Смбацяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. Ереван, 1962.
- Кузнецов 1999 – *И.В. Кузнецов*. Заметки к изучению агванского (кавказско-албанского) письма (I – III.) // И.В. Кузнецов (сост.). Удины: источники и новые материалы. Краснодар, 1999.
- Лолуа 2008 – *Р. Лолуа*. Проблемы современной албанографии. I. Кавказско-албанский алфавит (критический обзор источников). II. Внутренняя форма кавказско-албанского алфавита // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008.
- Муравьев 1981 – *С.Н. Муравьев*. Три этюда по кавказско-албанской (алуанской) письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1981. Т. VIII.
- Талибов 1980 – *Б.Б. Талибов*. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
- Шанидзе 1938 – *А.Г. Шанидзе*. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. 1938. Т. 4. № 1.
- Alek'sidze 1998 – *Z. Alek'sidze*. Albanuri mcerlobis dzeqli sinas mt'aze da misi mnišvneloba kavkasiologiisat'vis (Georgian-Albanian palimpsest on Mt. Sinai and its relevance to caucasian studies / Памятник албанской письменности на Синайской горе и его значение для кавказоведения). Tbilisi, 1998.
- Brown et al. 2008 – *C.H. Brown, E.W. Holman, S. Wichmann, V. Velupillai*. Automated classification of the world's languages: A description of the method and preliminary results // STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung. 2008. V. 61. № 4.
- Dabakov 2007 – *V.V. Dabakov* (сост.). Udiğoy folklor: Nağılxo. Legendoox. Астрахань, 2007.
- Gippert et al. 2007 – *J. Gippert, Z. Sarjeladze, L. Kajaia* (eds.). The Old Georgian palimpsest. Codex Vindobonensis Georgicus 2. Turnhout, 2007.
- Gippert et al. 2009 – *J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé* (eds.). The Caucasian Albanian palimpsests of Mt. Sinai. 2 vols. Turnhout, 2009.
- Gippert, Schulze 2007 – *J. Gippert, W. Schulze*. Some remarks on the Caucasian Albanian palimpsests // Iran and the Caucasus. 2007. V. 11. № 2.
- Harris 2002 – *A. Harris*. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford, 2002.
- Kurdian 1956 – *H. Kurdian*. The newly discovered alphabet of Caucasian Albanians // Journal of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland. 1956. № 1–2.
- Luís 2009 – *A. Luís*. Patterns of clitic placement: Evidence from 'mixed' clitic systems // P. Epps, A. Arkhipov (eds.). New challenges in typology: Transcending the borders and refining the distinctions. Berlin; New York, 2009.
- Luís, Spencer 2005 – *A. Luís, A. Spencer*. Udi clitics: A Generalized Paradigm Function Morphology approach // Essex research reports in linguistics. 48. Colchester, 2005.
- Müller et al. 2009 – *A. Müller, V. Velupillai, S. Wichmann, C.H. Brown, P. Brown, E.W. Holman, D. Bakker, O. Belyaev, D. Egorov, R. Mailhammer, A. Grant, K. Yakpo*. ASJP World language tree of lexical similarity: Version 2 (April 2009). URL: http://email.eva.mpg.de/~wichmann/language_tree.htm
- Nikolayev, Starostin 1994 – *S.L. Nikolayev, S.A. Starostin*. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.
- Schulze 1982 – *W. Schulze*. Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.

- Schulze 1988 – *W. Schulze*. Protolezgica: Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südostkaukasischen (lezgischen) Grundsprache. Habilitationsschrift. Bonn, 1988.
- Schulze 2001 – *W. Schulze*. The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance. Munich; Newcastle, 2001.
- Schulze 2001/2003 – *W. Schulze*. Caucasian Albanian (Aluan): The language of the ‘Caucasian Albanian’ (Aluan) palimpsest from Mt. Sinai and of the ‘Caucasian Albanian’ inscriptions (01.08.2001 / Revised version 07.09.2003). URL: http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Cauc_alb.htm
- Schulze 2005 – *W. Schulze*. Towards a history of Udi // International journal of diachronic linguistics. 2005. V. 1.
- Schulze-Fürhoff 1994 – *W. Schulze-Fürhoff*. The Udi language. A grammatical sketch // R. Smeets (ed.). The indigenous languages of the Caucasus. V. IV. North East Caucasian languages. Part 2. Delmar (N. Y.), 1994.